

Голод был нестерпимым. Он лежал в постели уже три дня, и из-за тяжелого состояния тела всем было строжайше запрещено кормить его чем-то, кроме рисового отвара. Сегодня, в виде исключения, рацион повысили до белой рисовой каши с добавлением сахара.

Господин Цзинь, у которого от голода живот прилип к спине, с мольбой посмотрел на управляющего Чжоу:

— Лучше бы что-нибудь посущественнее.

Чжоу Юй:

— ...

Еду принесли быстро. Цзинь Шиань ел и погрузился в раздумья.

Двадцатисемилетний Цзинь Шиань в глазах общества был счастливым. Его родители успели застать рассвет реформ и стали одними из первых нуворишей девяностых. Отец, Цзинь Хайлун, мастерски проворачивал спекулятивные сделки, а мать, Ван Цзинлинь, обладала врожденным талантом к управлению. К двухтысячным годам он стал наследником корпорации Хайлун — финансового гиганта, гремевшего на весь Восточный Китай.

Цзиньлинь — родина Двенадцати красавиц, и по логике вещей здесь должны были рождаться утонченные и пылкие юноши, подобные Бао-юю. Увы, Цзинь Шиань был воплощением грубого и неотесанного тирана. Как и многие дети нуворишей, он был невероятно богат, а потому учился из рук вон плохо. Зато в кутежах и развлечениях он был самоучкой. Хуже всего было то, что его развлечения не отличались ни вкусом, ни изяществом. Ограниченный ум, грубый нрав, пошлые интересы — город Нанкин, в котором он вырос, не смог привить ему ни капли культурного воспитания.

Примеров его нелепого поведения было не счесть. В старших классах друзья посоветовали ему роман — попаданство, легкое чтиво. Сначала Цзинь Шиань фыркал на подобный низкопробный досуг, но потом втянулся. Он купил по экземпляру каждому однокласснику, чтобы продвинуть любимого автора. Однако, дочитав до конца, он обнаружил, что финал разочаровывает: главная героиня умирает.

Шестнадцатилетний юный господин Цзинь пришел в ярость. Весь класс тоже негодовал. Другие ребята просто ругались, но юный господин хлопнул по столу:

— В каком издательстве этот писатель? Я куплю его!

Одноклассники остолбенели. А юный господин умел переходить от слов к делу. В две тысячи четвертом году на его личном счету уже лежали миллионы. Этой суммы не хватило бы, чтобы купить издательский дом, но вполне хватило, чтобы выкупить права на книгу.

Писатель, скрепя сердце, полгода переписывал рукопись дома, изменил концовку и выпустил

ее снова. Героиня выжила, и все ликовали. А наш герой-господин давно об этом забыл:

— Ожила? Ну и отлично. Если в следующий раз убьет кого-нибудь, я его снова проучу! А? Перечитать? Да к черту, я погнал гонять на тачке!

Мать узнала об этом, и без взбучки не обошлось.

Подобных выходов, где глупость встречалась с большими деньгами, было не перечесть. Ван Цзинлинь считала сына безнадежным: сдать экзамены он точно не сможет. Но это полбеды — единственного наследника ждали сотни миллионов, а он только и знал, что есть да играть, даже не умел с умом тратить деньги. Что делать?

Следуя логике нуворишей, решающих проблемы деньгами, его отправили в Австралию, в какой-то захудалый вуз, чтобы получить хоть какую-то корочку. В те годы, пока он грыз гранит науки, Ван Цзинлинь и Цзинь Хайлун из-за любовниц со скандалом развелись. Сын оказался в выигрыше: мать, руководствуясь принципом «мне плохо — и тебе не жить», потребовала передать корпорацию Хайлун единственному наследнику.

Цзинь Шиань, еще недавно прозябавший в Австралии, в одночасье стал председателем совета директоров Хайлун.

Несмотря на массу недостатков, он был верен друзьям. В тех, кому доверял, он не сомневался ни секунды, не считаясь с затратами. В каком-то смысле он умел подбирать людей. Поэтому, даже при его некомпетентности, нанятые им сотрудники оказались профессионалами, и Хайлун не только не развалился, но и процветал.

Видно, и у дураков бывает удача.

Господин Цзинь твердо верил в свою божественную судьбу и жил бездумно и счастливо. Но жизнь не может быть вечно гладкой. Три дня назад, перебрав с алкоголем, он сорвался с балкона второго этажа виллы прямо в бассейн.

Когда он очнулся, календарь отмотал время назад, в тысяча девятьсот тридцатый год.

Вот так он попал в прошлое.

Цзинь Шиань размышлял о былом, гадая, не прогневал ли он бога перемещений во времени, раз его настигла такая кара. В любом случае, теперь он — молодой господин Цзинь.

После двух мисок каши он выяснил все основные обстоятельства.

Тело, в которое он попал, носило то же имя — Цзинь Шиань. Разница была в том, что этому господину исполнилось тридцать, он был главой торговой палаты Цзиньлина и настоящим аристократом. Между этим молодым богачом и известным актером Бай Лушэном произошел неприятный конфликт. В пылу ссоры, то ли из-за излишней эмоциональности актера, то ли из-

за трусости господина, они начали отнимать друг у друга ножницы, и в итоге господин Цзинь был смертельно ранен.

Конечно, с появлением Цзинь Шианя характер происшествия изменился на тяжелое ранение.

Услышав это, Цзинь Шиань чуть не расхохотался. Он и так утонул в бассейне по-дурацки, а этот господин, будучи элитой, умер еще глупее — от крошечных ножниц для орхидей.

Чжоу Юй, наблюдая за переменами в лице господина, осторожно спросил:

— Господин Бай сейчас заперт в восточной комнате. Вы не хотите его увидеть?

— ...?

Зачем мне видеть того, кто меня убил? Господин Цзинь подумал, что у управляющего, должно быть, не все дома. Даже если этот господин раньше любил убийцу до гроба, после того как в него воткнули ножницы, даже Ромео с Джульеттой разругались бы, разве нет?

Цзинь Шиань не страдал стокгольмским синдромом и махнул рукой:

— Нет, не надо.

Чжоу Юй был удивлен и рискнул спросить снова:

— Вы все еще сердитесь на господина Бая?

Цзинь Шиань посмотрел на него с полным непониманием.

Бай Лушэн пырнул вашего господина, довел до полусмерти, а ты, собачий сын, спрашиваешь, сердится ли господин?

Этот господин Цзинь что, мазохист?

Цзинь Шиань хотел сказать, что если он его не убьет, то это уже проявление величайшей милости, но вовремя прикусил язык.

Пусть у него было не так много ума, но инстинкт самосохранения работал исправно. Согласно сословной иерархии старого Китая, Бай Лушэна за убийство господина Цзиня давно должны были сдать в полицию или забить до смерти слуги. Но он до сих пор тихо жил под одной крышей, наслаждаясь едой и кровом.

Цзинь Шиань понял: все слуги в усадьбе Бай молча защищают этого Бая.

Они вряд ли верны ему, скорее, они преданы Бай Лушэну, даже после того, как он совершил преступление.

К счастью, у этого господина все еще оставался авторитет — это было видно по лицам слуг.

Пока что лучше не идти на открытый конфликт.

Господин Цзинь кипел от негодования и обиды. Видя, что Чжоу Юй не сводит с него глаз, он выдавил из себя неловкую улыбку:

— Что это значит? Я не имею права на него злиться?

Он спросил это без задней мысли, просто чтобы прощупать почву. Но для Чжоу Юя это прозвучало как суровый выговор. Увидев неловкую улыбку на губах Цзинь Шианя, он задрожал.

Господин намеками упрекает его в том, что он легко отпустил господина Бая.

Цзинь Шиань увидел, что тот застыл, и спросил снова:

— И еще, я хочу спросить: у меня что, нет дома? Почему я живу в доме Бай Лушэна? Когда я смогу вернуться домой?

Он спрашивал о том, что его искренне беспокоило. Где это видано, чтобы молодой господин жил в доме актера? Даже после того, как он получил ранение и переместился во времени, его не отправили в больницу, дома никто не хватился. Что за бред?

Господин Цзинь хотел домой, чтобы хотя бы не быть в гостях.

Но для Чжоу Юя это прозвучало как череда риторических вопросов, полных гнева.

Чжоу Юй рухнул на колени:

— Господин, пощадите! Я был неправ, я сейчас же сообщу дедушке! Только не гневайтесь!

На следующий день Цзинь Шиань встретился со своим дедом.

Шел мелкий дождь. Старый господин Цзинь в сопровождении начальника полицейского управления и нескольких дюжих охранников прибыл спасать внука. Ему было под семьдесят, он был высокого роста, в халате и куртке ма, с тщательно уложенными седыми волосами и в золотых очках. В его облике сквозила холодная строгость.

В этот раз господин Цзинь решил вести себя тихо: если не знаешь, что сказать — молчи. Цзинь Чжунмин долго расспрашивал его, но тот только кивал, не произнося ни слова.

Управляющий поместьем Ци Сунъи, приехавший вместе с ними, взял слово первым:

— Господин очнулся еще вчера, но он... словно лишился рассудка. Ничего не помнит, никого не узнает. — Он поддержал Цзинь Чжунмина: — Господин, не гневайтесь, что сделано, то сделано, не пугайте господина Шианя.

Цзинь Чжунмин, полный боли и ярости, осторожно уложил Цзинь Шианя на подушки:

— Ань-эр, не бойся, ничего страшного. Отдохни немного, дедушка сейчас же заберет тебя домой.

Его взгляд был полон нежности и невыразимой боли. Цзинь Шиань был тронут и невольно взял его за руку:

— Дедушка, я в порядке.

Цзинь Чжунмин еще больше разволновался:

— Хороший мой, лежи, не двигайся. Я сейчас разберусь с этим негодяем.

Все окружили старика и направились во двор вершить суд, оставив Цзинь Шианя одного. Рядом с ним осталась глуповатая пухлая служанка. Цзинь Шиань хотел встать с кровати, чтобы посмотреть, что происходит, но девочка испуганно прижала его обратно:

— Господину нельзя двигаться, если пошевелитесь — умрете!

Цзинь Шиань усмехнулся:

— Глупышка, помоги мне дойти до окна, пойдем поглазею.

Цзинь Чжунмин вышел во двор и позвал Чжоу Юя:

— Говори, как все было.

Чжоу Юй, стоя на коленях, поклонился:

— В прошлом месяце господин пришел сюда отдохнуть, они разговаривали...

Цзинь Чжунмин рявкнул:

— Какой он тебе господин?

Чжоу Юй поспешно исправился:

— Господин пришел сюда отдохнуть... а этот, по фамилии Бай, прислуживал ему внутри.

В тот день они поссорились из-за личных дел. Чжоу Юй и другие слуги были выгнаны вон, поэтому они не видели, что происходило внутри, слышали только громкую ссору. А когда господин Бай, плача, позвал их, господин уже лежал в луже крови с ножницами в груди.

На первый взгляд, не было сомнений, что это сделал Бай Лушэн.

Но Чжоу Юй чувствовал подвох.

Ножницы были в руках у самого господина.

Их с трудом удалось разжать. Маленькие серебряные ножницы для орхидей длиной всего пять дюймов, с лезвием в один дюйм. Господин Цзинь всегда был крепок и занимался единоборствами, а Бай Лушэн был болезненным человеком, который даже чашку чая держал с трудом.

Невозможно было представить, что хрупкий больной человек мог вонзить такие ножницы в грудь здорового мужчины, даже если бы тот не сопротивлялся.

Но это было еще не все.

Врач, осматривавший рану, странно заметил: почему она такая мелкая?

Лезвие не вошло в грудь полностью.

— С такой раной не должно быть столько крови, — сказал врач, вытирая пот. — Странно. У него нет врожденных заболеваний? Мне кажется, он потерял сознание не от раны, возможно, это отравление.

Все переглянулись. Чжоу Юй прикрикнул на врача:

— Не болтай лишнего! Господин поранился по неосторожности. Деньги получишь, но об этом — ни слова!

В этом деле было слишком много неясностей. Бай Лушэн не мог нанести такой удар. Может, господин пытался покончить с собой? Или он действительно болен?

Чжоу Юй не смел об этом думать. Он приказал связать Бай Лушэна и запереть в комнате, не давая ему умереть, но и не выпуская.

Чжоу Юй выложил все как было и снова поклонился:

— Вот как все было. Мы подозревали неладное, но если бы люди узнали о болезни господина, это было бы нехорошо. Поэтому мы решились скрыть это, прошу господина быть снисходительным!

Цзинь Чжунмин долго молчал, глядя на него, а потом произнес:

— Значит, этот Бай невиновен?

Чжоу Юй промолчал.

Цзинь Чжунмин усмехнулся:

— Я слышал, этот негодяй умеет втираться в доверие. Твоя мать давно больна чахоткой, он, небось, немало денег на нее потратил?

Чжоу Юй задрожал.

Бай Лушэн действительно был добр к нему. Когда мать Чжоу болела, господин Бай молча оплачивал ее лечение, говоря: «Я не обижаю вас, дядя Чжоу, просто у актеров не принято держать лишние деньги, это к неудаче. Если не возьмете, я все равно их потрачу».

Разве у актеров есть такие приметы? Чжоу Юй был благодарен.

Господин Бай был очень нежным человеком. Да, у него бывал скверный характер, но он не был жестоким. Чжоу Юй знал, что они с господином в ссоре уже два года, но они были связаны десятью годами отношений, и не могло дойти до убийства. Он надеялся, что все прояснится, когда господин очнется. Это было его личное желание отплатить добром за добро.

Цзинь Чжунмин становился все злее. Он спросил:

— Где этот Бай?

Чжоу Юй ответил:

— Мы держим его под стражей.

Бай Лушэна вытащили и бросили на землю. Он был невероятно худым, словно сухой лист. Долгое время он не двигался. Наконец, с трудом опустившись на колени, он уткнулся лицом в колени.

Цзинь Чжунмин с отвращением посмотрел на него:

— Все говорят, что ты гордый. А сам даже не понимаешь, что за убийство нужно платить жизнью. Разве Ань-эр был к тебе несправедлив? Как у тебя хватает совести жить?

Бай Лушэн медленно поднял голову:

— Разве я не умирал? Я умирал тысячи раз. Но такие, как мы, не властны над своей жизнью. Позавчера я пытался умереть, но меня связали и не дали. Оказывается, чтобы я дожил до сегодняшнего дня и умер, чтобы порадовать господина.

Его голос был удивительно чистым и нежным, словно пение птиц весной. Даже обычные слова в его исполнении звучали как музыка.

Если бы не видел, трудно было бы поверить, что этот голос принадлежит человеку, похожему на скелет.

Цзинь Шиань, сидевший в комнате и угощавший пухлую служанку кедровыми орешками в сахаре, вдруг услышал этот голос и вздрогнул. Он прислушался: снаружи воцарилась тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием, полным отчаяния.

Он спросил девочку:

— Кто там говорит?

Девочка, жуя, ответила:

— Господин Бай.

— Что с ним?

Девочка глупо улыбнулась:

— Старый господин хочет его убить, а он жалеет вас.

Чжоу Юй, стоя на коленях, проклинал себя. Он знал, что добром это не кончится, и умолял Бая бежать, но тот был упрям.

Теперь он не выдержал и со слезами прошептал:

— Господин Бай, мы сделали все, что могли. Вы действительно невиновны, скажите же об этом старому господину!

Бай Лушэн посмотрел на него и слабо улыбнулся:

— Не надо, дядя Чжоу. Это моя вина.

Его голос был холодным, как лед. Он подполз к ногам Цзинь Чжунмина:

— Я ранил его, никто меня не подстрекал, никто не покрывал. Это не имеет отношения к остальным. Прошу вас, проявите милосердие, пощадите их!

Сказав это, он поклонился и без сил упал на землю. Полицейские подняли его, как щепку. Бай Лушэн не сопротивлялся. Когда его потащили прочь, он вдруг открыл глаза, оттолкнул людей и обернулся.

— Господин! Господин! — прошептал он со слезами. — После сегодняшнего дня наши долги уплачены!

В этот момент Цзинь Шиань, чувствуя любопытство, вышел из комнаты. Бай Лушэн обернулся и встретился с ним взглядом. Между ними был двор, мелкий дождь, множество удивленных глаз и куст гибискуса. Бай Лушэн издал стон, и слезы покатились из его глаз. Это был первый раз, когда Цзинь Шиань увидел его.

Спустя много лет Цзинь Шиань вспоминал, что тогда Бай Лушэн выглядел ужасно: худой, с желтоватым лицом, лишь огромные глаза, полные отчаяния, вызывали жалость. Если бы Цзинь Шиань был образован, он бы прочел в этом взгляде всю горечь разлуки. Но у него не было ни

капли поэтичности. Он остолбенел и подумал: черт, я же знаю этого человека!

Все началось в ту ночь, перед тем как он попал в прошлое.

То время было для Цзинь Шианя не самым легким: он только что расстался с девушкой — точнее, она его бросила.

<http://bllate.org/book/19790/1950108>